

Раздел 1. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СИНТЕЗА

С.З. ГОНЧАРОВ, И.М. ЧУПИНА

КОРНЕВАЯ РОССИЯ И ЛЮДИ ВНЕ ТРАДИЦИИ

Жизненное значение отечественных ценностей мы стали понимать по мере приближения к «прелестям» западной цивилизации. Измена людей своей духовной идентичности обрекает их на хождение от одного разочарования к другому. Поиск духовных основ есть реакция на душевную «грязь» «цивилизации» и на самоизмену духовной традиции наших великих предшественников – святителей и праведников, подвижников и героев России. Возвращение к корням, духовное смыкание поколений, служение России – таков императив воли у растущего круга людей, представляющих корневую Россию. Корневая Россия – это труженики, созидающие ее во всех областях (в хозяйстве и государстве, воспитании и культуре, церкви и суде, армии и медицине) и соборно объединенные в духовное «мы» любовью к Богу и Родине. Задача статьи – раскрыть отличительные особенности и социальную значимость двух основных ценностных установок в российском самосознании XIX и XX веков. Одна из них ориентирована на отечественные ценности, культуру, традиции, другая – на ценности и стандарты Запада. Эти установки глубинные, они выражают разные формации души и ориентируют не столько на средства, сколько на цели и идеалы, на качество духа. Poleмика между представителями этих установок развивалась от товарищеских споров до смертельной вражды, от единодушного желания служить России (одни воспринимали ее как Родину-Мать, другие – как дитя, которое надо воспитывать по-европейски) до драмы 1905 года, затем до трагедии Октября и, наконец, до трагикомедии современной смуты. Если Пушкин – родоначальник отечественных установок в культуре XIX века, то Радищев – отец российских интеллигентов-западников.

Особенности отечественных ориентаций: *признание благодатности Православия, симфонии церкви и государства, основополагающего значения традиций, этики труженика, социальной справедливости, патриотизма, сильного государства и сильной армии, верховенства созидания и надклассовой солидарности, духовной преемственности поколений.* Отечественные ориентации – это сохранение лучшего в традициях, умоностроение антропогенного, традиционного (не техногенного) общества, страны-семьи, а не страны-рынка [3, с.217-218]. Сознательным субъектом этого умоностроения являлся и является образованный квалифицированный средний класс людей-тружеников, созидающий Россию во всех сферах. Их умоностроение точно выразил И.А. Ильин: «Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, – от крестьянина до ученого, от

министра до трубочиста, – я служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию, а не «маммоне» и не «начальству», «не личной похоти» и не «партии», не «карьере» и не просто «работодателю», – но именно России, ее спасению, ее строительству, ее совершенству, ее оправданию перед лицом Божиим» [4, с.146]. При таком умонастроении человек видит за «моим» и «твоим» – «наше», за корпоративным интересом – государственный, за государственным – всенародный, за человеческим содержанием – божественное. Эта могучая соборность народного духа составляла основу душевного здоровья, трезвой мысли, широты понимания, цельного духовного акта, творческого размаха, душевной щедрости и духовного благородства. Ибо сохранялась гармония ценностей частных и всеобщих, человеческих и божественных, относительных и абсолютных. Без всенародного и божественного русскому человеку душно жить в застенках индивидуального интереса.

Особенности западных ориентаций в России – *это неприятие Православия и, как следствие, русской культуры и ментальности, отечественных традиций в государстве и хозяйстве, культуре и воспитании; неприятие патриотизма, оборонного сознания и мощи армии; верховенство разрушения над созиданием, тяга к утопиям, радикализму и практически потрясениям основ; этнонигилизм вообще и русофобия, как правило, в частности; выпранный, абстрактный «гуманизм вообще» и обязательное стремление к вненациональной глобалистике, будь то интернационализм социалистический или демократический, экуменизм в религии или «общечеловеческие ценности» в идеологии.* В целом, это – умонастроение идейных эмигрантов, якобы, живущих на чужбине. Эти противоположные ориентации вырастают из глубинных корней, уходящих в подсознание. Чем питаются эти корни?

Культура России создавалась в рамках отечественных ориентаций, чего нельзя сказать, за некоторыми исключениями, о «творениях» западников. Почему же плодоносна линия Пушкина? Творчество есть вдохновенное посвящение чему-то дорогому, «особенно родному» (В.С. Розов). Родному дарят лучшую часть души. Так Пушкин дарил цвет своей души Родине, и Россия цвела. Традиционные общества держатся глубинным подсознательным чувством родства и семьи, родного и Родины. Жизнетворческое чувство *родного* сублимируется (возвышается) в культуре в виде творения объективно лучших содержаний. В культурной сублимации этого чувства заключается поразительная жизнестойкость и мощный творческий потенциал традиционных обществ не только в прошлом, но и в настоящем. Родное объективируется в благое содержание жизни – как любимый человек, семья, соборное «мы», отеческое наследие, родная культура, Родина, Отец Небесный, творческая жизнь. Это – чувство дома, а не чужбины. Для Пушкина чувство родного – «животворящая святыня», основа «самостояния человека», «залог величия его»; без этого чувства «наш тесный мир – пустыня», «душа – алтарь без божества». Подсознательный характер этого чувства выразил Лермонтов («Но я люблю – за что, не знаю

сам»). Ф.И. Тютчев творческие силы черпал не в космополитическом либерализме, но в сыновнем чувстве к родному краю русского народа. Патриарх отечественной драматургии В.С. Розов, сопоставляя отечественные ценности с западными, заключает: «Знаете, что душу питает? Это родное, особенно родное и близкое. Без этого, наверное, русскому человеку нельзя» [5].

В российском самосознании в чувстве родного соединились естественная религия народа и Православие. Древнеславянская вера была овеяна чувством родного по отношению к природе, Роду, народу, Родине. Из родного рождается все совершенное – правда, добро и красота, гармония и лад – такова формула этой веры. Православие вознесло чувство родного до абсолютной духовной вершины – до совершенства Отца Небесного. Отечественная культура корнями уходит в глубинное подсознательное чувство родного. Это чувство корневое: из него вырастают жизнотворчество, а не жизнеотвержение, созидание, а не разрушение, традиции и национальная идентичность, семья и Родина, преемственность поколений и творческий потенциал личности. Родное бережно сохраняет и вдохновенно обогащает, ему служат за совесть и храбро обороняют мечом. Чувство родного – одно из самых древних и сильных. Оно синкретично и целостно, емко и гениально. В нем этносоциальные, этнокультурные, нравственные, религиозные и эстетические чувства сливаются в трудно выразимый трепет и побуждают продуктивное воображение к творчеству и бескорыстному дару. Это чувство гениально: оно выводит сознание из-под власти узко формальных предписаний, технической рациональности, односторонней «научности», окостеневших социальных статусов и побуждает мышление работать интуитивно по сверхрасудочным творческим схемам. *Отечественные ориентации есть культурное возвышение и развернутое выражение чувства родного.* Не случайно, в русской философии в отличие от западной не обсуждалась сама проблема отчуждения! Сила этого чувства смыкает по духу деяния митрополита Илариона и митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, автора «Слова о полку Игореве» и А.С. Пушкина, А.В. Суворова и Г.К. Жукова. Чувство родного было основой душевного здоровья, питало творчество классиков русской культуры и было для всех слоев народа надежным иммунитетом от отчуждения, включая западничество.

Родному противостоит чужое. *Западничество выражает собой отчуждение от подлинно родного.* К таким проявлениям относятся неприятие Отца Небесного и Родины-Матери, национального самосознания и отечественных традиций, патриотизма и оборонного сознания, державного государства и сильной армии. Ведь если мне «эта» страна не родная, то зачем мне ее защищать? К сублимации душевной безродности относятся бегство от отечественного наследия в интернациональную глобалистику и в мир утопий, тяга к потрясению основ и отрицание отечества ради человечества. Но от родного не бегут, его не разрушают. Ярким проявлением отчуждения от родного выступает характерное для российских западников стойкое

чувство негативизма, доминирования «нет» над «да», раздора над согласием, сильное желание выйти за рамки обжитого и уютного, дорогого и родного и все это изломать и перепачкать, как это делали Радищев и Чаадаев, Печорин и Писарев. Западники как блудные сыны уходят от родного к очередному чужому, скитаются по чужим дорогам и подбираются под чужими окнами. Их мировосприятие подобно диаспорному сознанию на чужбине. Сотрудничество с царем и правительством западники считали кощунством. Свою Родину они называли «тюрьмой народов», «Гулагом», «муравейником», цитаделью «тоталитаризма», а царей - то «Николаем Палкиным», то «Николаем кровавым». В золотой век русской культуры Добролюбов поучал авторов журнала, как надо писать: «Нам следует группировать факты русской жизни. Надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, для того, чтобы противно стало читателю все царство грязи, чтобы он вымолвил: «Да что же, дескать, это за каторга» [2, с.149]. Отчуждение, отталкивание от родного логически выражается в культе отрицания. «Отрицание - мой Бог», - писал В.Г. Белинский. «В истории мои герои - разрушители старого: Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и тому подобное... Я понял и французскую революцию. Понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровожадную ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством...» [1, с.104-105]. М. Бакунин тоже признавал первенство отрицания, «неустанное самосожжение положительного на чистом огне отрицательного». Он писал: «Радость разрушения есть в то же время творческая радость», «я ищу Бога в революции» [6, с.54,56]. Интеллигенция, отмечал Н.А. Бердяев, породила тип человека, «единственной специальностью которого была революция» [1, с.126]. «В истории русской интеллигенции, - писал Г. Федотов, - основное русло - от Белинского, через народников к революционерам наших дней» [1, с.128].

Но верховенство отрицания есть движение от бытия к ничто, к уничтожению цветущих форм жизни и культуры. В страсть уничтожения - это «дух» дьявола, гибели. Западники не созидали, а, скорее, разрушали культуру и уклад жизни народа. За два века своей эволюции они так и не создали в культуре ничего самобытного, что стало бы родным для народа. Они - вечные имитаторы чужих чувств и мыслей. Причина их культурного бесплодия - отщепенство от родного. Отчуждение не побуждает к созиданию и творчеству. Западники сильны во зле, а не в добре. Современные западники во власти крушат все, что является дорогим для корневой России, будь то семья, нравственность, любовь, творческий труд, душевная чистота детей. В прошлом западники насаждали интернационализм «пролетарский», потом - «социалистический», а ныне внушают «интернациональную демократию», «общечеловеческие» ценности и иную глобалистику. Но инвариант один - бегство от родного, денационализация народа и культуры. Современные западники без войны и мора довели страну до разрухи и конца ей не видно. «Сегодня наша производственная мощь, - отмечает экономист С. Глазьев, - работает приблизительно на 30 процентов» [7]. Усилиями

западников легализованы «сексуальные меньшинства». Деструкция в сфере пола порождает деструкцию в психике в виде комплекса разрушения, который объективируется в социальных деструкциях. Кто перешагивает через природные основы жизни, тот способен перешагнуть через любые социальные нормы.

Западничество – это болезненное явление. Его глубинный источник – отчужденное состояние души; потеря чувства родного и Родины; его психологическое выражение – комплекс разрушения, стойкая негативная установка к здоровым началам жизни народа; его выражение в культуре – творческое бесплодие и имитации, бегство в утопии и глобалистику, в формальные построения неомодернистского толка и неприятие корневых ценностей большого народа; его социальные проявления – отвращение от органически вырастающих реформ и радикальные потрясения ценой судорог и страданий народа. Итоговый результат западничества – практическая деструктивность, разлом духовной преемственности поколений и потеря национальной идентичности. Ныне, как ладони, западники обнажили свою полную теоретическую и практическую несостоятельность. Они у власти потому, что труженики России еще питают иллюзии, традиционно доверяя авторитету государственной власти. Но иллюзии скоро развеются, как болотный туман в солнечное утро.

Литература

1. Башилов Б. История русского масонства. Вып. 12-13. М., 1995.
2. Башилов Б. История русского масонства. Вып. 16-17. М., 1995.
3. Кожин В. Россия как цивилизация и культура // Наш современник. 2000. № 7.
4. Ильин И.А. Наши задачи: В 2 т. М., 1992. Т.2.
5. Розов В. На крючке позолоченном // Советская Россия. 20 августа 1998.
6. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 2. Ч.1.
7. Глазьев С. Из-под обломков пирамид // Завтра. 1994. № 4.

М.Н. НАЧАПКИН

КОНСЕРВАТИВНАЯ ТРАКТОВКА ПРОГРЕССА

Одной из важных проблем консерватизма является проблема прогресса. Русские консерваторы много размышляли над тем, что такое прогресс и к чему он должен вести, каково должно быть соотношение прогресса, или развития и консерватизма в ходе реформ. К.Н. Леонтьев являлся одним из наиболее ярких представителей консервативной мысли. В работе «Византизм и славянство» он изложил теорию культурно-исторических типов, в основу которой была положена своеобразная концепция развития, базирующаяся на неординарно понимаемой идее прогресса: «...он ушел от метафизической схемы “или-или” в